

Евангельский образ Иисуса и духовный контекст русской поэтической традиции двух последних рубежей веков // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. ХХІ. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2004. – С.63-68 (0,5 др.арк.).

Н.Ильинская (Херсон)

Евангельский образ Иисуса Христа и духовный контекст русской поэтической традиции двух последних рубежей веков

Христа я не отдам никому.

А.Блок

Зачем писать о земной жизни Иисуса, если, как справедливо отмечено Н.Гоголем, "выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии"? [4:433]. Тогда закономерно возникает следующий вопрос: почему, несмотря на процессы секуляризации, определяющие так называемое постхристианское состояние культуры, литераторы в латентной или эксплицитной форме обращаются к образу Христа, к евангельскому повествованию и его проблематике? Ведь даже если ограничиться рубежами двух последних (XIX и XX) веков и только словесными версиями образа Христа и интерпретации библейских образов и сюжетов, перечень почти наполовину будет состоять из имен бесспорно первого ряда. В таком случае, каково соотношение канонического богословия и авторского вымысла в претворении религиозной темы и христологии, а в силу этого – предел допустимого / недопустимого в соотношении библейской истины и вымысла в таком художественном тексте? И, наконец, как представлена Личность Иисуса Христа в русской поэтической традиции двух последних рубежей веков относительно евангельского повествования? Разумеется, заявленная последней проблема не может быть решена в формате статьи и имеет постановочный характер, поскольку речь пойдет о выявлении определенных закономерностей и типологических общностей в поэтической христологии авторов названного периода. Решению перечисленных задач посвящена данная статья.

Независимо от типа религиозности или конфессиональной принадлежности пишущие о Христе безусловно обращаются к Евангелиям, поскольку именно они выступают литературным образцом и критерием Истины в воплощении образа Иисуса Христа, хотя и не мыслятся исключительно как биографическое повествование о Его земном служении. В фокусе каждого Евангелия – Благовестие о смерти и воскресении Сына Человеческого. Любое из них можно назвать "Повествование о страданиях Господа с необходимыми комментариями", так как центральное событие – Его крестные муки, а помимо этого – столько "дополнительной информации", сколько необходимо для пояснения учения, характера и поступков Того, Кто пришел спасти человечество. Какие же аспекты евангельского опыта могут быть актуальными для современного художественного сознания? Во-первых, акцент следует сделать на творческой свободе апостолов, ведомых библейским Духом, Который, как известно, "дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит" (Иоан.3:8). Каждый евангелист из имеющегося материала выбирает то, что соответствует поставленной им цели. Так, например, в Евангелии от Иоанна сформулированная в 20:31 цель состоит в том, чтобы донести "знамения", явленные Христом, до читателей Евангелия, пробудив веру в Спасителя: "Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и веруя, имели жизнь во имя Его". В Евангелии от Марка – одном из первых по времени создания, также присутствует аналогичная интенция, но решается задача по-другому: внимание евангелиста привлекают действия и поступки Спасителя как Божьего слуги. Если Лука представляет Иисуса Сыном Человеческим, отвергнутым Израилем, и сосредоточивает внимание на сотериологическом аспекте деятельности Иисуса для всех племен и народов, то Матфей наиболее полно передает Его учение, излагаемое в четких, аксиоматических положениях, со ссылками на авторитет Ветхого Завета в виде прямых цитат и аллюзий. Приведенные факты позволяют придти к выводу об абсолютной творческой свободе евангелистов в создании повествования об Иисусе.

Выскажем еще одно доказательство в пользу сказанного. Подсчитано, что прочтение вслух всех слов Иисуса, записанных авторами синоптических Евангелий, заняло бы всего три часа. Это совсем немного, если учесть, что земное служение Христа продолжалось около трех лет [12:279]. Следовательно, подчеркивая разные аспекты одних и тех же событий, евангелисты вполне свободно расставляли необходимые, с их точки зрения, акценты.

Во-вторых, в пределах достоверности священно-историческое и эсхатологическое значение Личности Иисуса апостолы-евангелисты постигают многогранно и по-разному. В каждом из четырех евангельских повествований, отмеченном спецификой авторской личности, происходит свободный отбор материала для воссоздания единственного и неповторимого образа Иисуса Христа. Например, яркого, сильного и авторитетного Учителя (... ибо один у вас учитель – Христос, все же вы – братья – Мф:23:68), излагающего Свое учение как "власть имеющий" у Матфея.

В Евангелие от Марка Иисус представлен удивительно гармоничной личностью, проявляющейся в разных, порой исключаящих друг друга в житейском смысле ипостасях (грозный, лучезарный, любяще-мудрый). Его "тайна Мессии" отражает божественную непостижимость как раннее применение принципа апофатического богословия. [см.:13:.72-76].

У Луки образ Христа не менее богат и многогранен, чем у других евангелистов, однако для него характерен акцент на священно-историческом пути Иисуса, на утверждении тайны и величия Его Богочеловечества.

Автор четвертого Евангелия, текст которого, в отличие от синоптических, скорее мистический, чем повествовательный, сосредоточен на прозрении трагического и величавого образа Христа в постоянном откровении Богосыновства, о чем свидетельствуют семь "знамений" Иисуса и семь "Я есмь" как самоидентификация Божественной природы и сути Его миссии.

Разумеется, в нашу задачу не входит богословская интерпретация образа Христа в Евангелиях и выделение всех духовно значимых черт Его неделимого Богочеловечества. Важно другое: опыт евангелистов позволяет выделить два момента: во-первых, подчеркнуть, что Иисус представлен в Евангелиях прежде всего индивидуализировано как сложная многогранная Личность Богочеловека; во-вторых, рассмотреть эту особенность как еще одно доказательство свободы творческого сознания в разрешении сложнейшей проблемы веры и творчества. Способность свободно и ответственно творить дана человеку свыше, от Бога, наделившего его величайшими дарами – даром свободы и творчества и предоставившего ему абсолютный выбор.

В-третьих, евангельское повествование задает четкую инерцию на акцентирование в образе Христа и Его благовествовании тех особенностей, которые актуальны в инациональной и инокультурной среде. Так, например, тон и содержание Евангелия от Марка особо соответствует настроениям римских верующих, уже столкнувшихся с гонениями и ожидавших впереди еще худших преследований [см: 12: 100]. В Евангелии от Матфея, рассчитанном прежде всего на иудейскую общину, в образе Иисуса актуализированы мессианские обетования. Иными словами, евангелисты учитывают ментальность социума и тип религиозности, что является вполне резонным ориентиром и в современной этнокультурной и религиозной ситуации для автора, обратившегося к евангельской сюжетике и поэтическому воплощению образа Спасителя..

Безусловно, было бы непростительной редукцией сведение многогранного спектра проблемы к названным позициям. Несмотря на неповторимость образа евангельского Христа и обреченность любой попытки приблизиться к его полноте и глубине, человечество снова и снова будет стремиться к творческому воссозданию и осмыслению образа Иисуса, к этому непостижимому идеалу, хотя, как пророчески указывает Иоанн Богослов, "если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы

написанных книг"[Иоан.21:25]. Как уже подчеркивалось, аксиоматичным является суждение о невозможности литературного воплощения образа Христа, хотя бы в какой-то мере сопоставимого с образом Спасителя в богодухновенных книгах Евангелия. По словам западного слависта И.Кирилловой, "вопрос художественного, в частности литературного воплощения образа Христа – вопрос трагический. Евангельское повествование о Христе остается неповторимым. Всякое другое воплощение образа Христа поневоле неполно и неполноценно" [6 : 60]. Что же привлекает в Личности Богочеловека и каким Его видит творческое сознание относительно недостижимых евангельских образцов?

Проблема "типологических моделей" литературного образа Иисуса Христа в том или ином аспекте заявлена в немногочисленных отечественных и зарубежных исследованиях (И.Кириллова, С.Семенова, Т.Зиолковский, А.Зверев, Я.Кротов, А.Нямцу), при этом речь идет в основном о прозаических жанрах. Поскольку поэтический образ Христа практически не рассматривается указанными авторами специально, наш анализ ограничивается лишь общим для данного литературного явления кругом проблем, не связанных с родовой и жанровой спецификой.

Вне зависимости от инокультурных различий и типа духовности в литературе наиболее представлен образ Иисуса с позиций "очеловеченного Христа", и этот факт отмечается всеми названными исследователями. Иными словами, преобладает секуляризированный взгляд на Христа Богочеловека и устраняется какая-либо возможность керигматического подхода с позиций конфессионально позиционированного типа духовности. В этом случае учеными зафиксированы следующие структурные "модели" образа Иисуса: 1."Вымышленная биография" ("современный апокриф"); 2. Христос оживающий; 3. Уподобление Христу; 4. Псевдонимы Христа (двойники); 5. Христос как миф; 6. Пятое евангелия. Доминантами структурных "моделей" выступает парафраз евангельских событий из жизни Иисуса в преломлении через социальную апологетику (в литературе второй половины XX века эта

"модель" не представлена вовсе); воссоздание авторами "утаенных" периодов детства и юности до начала Его земного служения; "расцветивание" евангельских событий историческими, бытовыми, психологическими подробностями в жанре романной логики; ироническая или издевательски-пародийная интерпретация евангельских событий в так называемых "пятых евангелиях" (уточним, что существует и другая точка зрения, которая интерпретирует "пятые евангелия" как дополнение канона фактами и сентенциями с элементами стилизации") [см.: зверевс.238]; появление евангельского образа в современной жизни в результате неприятия Христа и Его учения; подмена евангельского Христа архетипом искупителя; юродствование во Христе; образ Иисуса как мифологема [Ziolkowski T. Fictional Transfiguration of Jesus, Prinseton University Press, 1978; цит. по: 6: 66-68]. Отметим, что, во-первых, перечисленные доминанты этих "моделей", как правило, не существуют отдельно и зачастую контаминируются в пространстве одного текста; во-вторых, их многообразие можно свести к общей типологии: "евангелие от человека" – своего рода жанра, привившегося в культуре очень прочно и числящего за собой столетие с лишним активного бытования [5:238]. В творческом сознании его авторов духовная вертикаль в одном случае подменяется горизонталью этического универсализма, в другом – "вопросы религии ... просто не тревожат" (Г.Грасс). Проблемы христианского подхода к культуре и свободы /ограничения творческих исканий, мотивы обращения к религиозно-философским темам в анализируемом исследовании не затрагиваются как таковые.

В отличие от зарубежных исследований, в современном русском литературоведении особую актуальность приобретает мысль о причинах обращения к сакральным темам. Наиболее укорененной является позиция, объясняющая пристальное внимание литераторов к евангельской истории глубиной этического смысла, который она в себе заключает[5:234], стремлением "к христианской нравственной опоре и Абсолюту"[10 : 229];

этической и творческой прагматикой ("обращение к образу Христа задает сразу множество параметров, хорошо знакомых даже религиозно невежественному человеку. На фоне этих параметров легче сказать что-то свое, потому что стандарт очевиден")[7:245]. Подобная односторонность "очеловеченного" подхода отмечена практически всеми учеными. Так, А.Зверев, ссылаясь на высказывание прот.А.Меня о том, что "явление Христа есть вочеловечивание Бога, Его вхождение в нашу обыденную жизнь", справедливо указывает на необходимость сакрального осмысления Боговоплощения в творческом сознании, поскольку "богатство параллелей и аналогий, которые в ней находит для себя каждая эпоха, не исключая новейшей", без приклонения к Евангелию станет всего лишь одной из историй, помогающей понять обыденное. Автор не ставит задачу типологизации литературного образа Христа, тем не менее отдельные ее принципы в создании Иисуса Христа как литературного персонажа можно проследить, исходя из предложенной А.Зверевым классификации жанровых форм типа "роман- реконструкция", "рассказ-иносказание", "новое жизнеописание"[5:234-241]. Это десакрализация библейского сюжета, в контекст которого помещается Личность Иисуса, редуцированная до великого проповедника истины, властителя умов, Великого Учителя, но при этом "человеческого, слишком человеческого"; соотносимость трагической современности с вневременным универсализмом мистерии Христа и выход в притчевое измерение; маркирование масштабности происходящих современных событий библейскими параллелями, сакральной образностью.

Аналогичные тенденции в воплощении образа Христа в тех или иных проявлениях наблюдаются и в русской поэзии двух последних рубежей веков (конец XIX начало XX века и конец XX начало XXI веков). Русская реальность лишь добавляет этноспецифические детали, придает сугубо русский колорит болезненной остроты, более резкой выраженной кризисности процессов и конфликтов. Эту особенность точно уловил и выразил Н.Бердяев, отметив, во-первых, напряженность духовных исканий:

"В русской литературе... религиозные темы и мотивы сильнее, чем в какой-либо литературе мира"; во-вторых, ее озабоченность христианской темой: "Она вся ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира"; в третьих, проявления религиозного мироощущения даже в ситуации манифестированной или имплицитной индифферентности авторов к проблемам Веры: "Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианства" [2:63-64]. Аналогичное наблюдение принадлежит и С.Аверинцеву, по мысли которого, на автора "скрытое воздействие продолжается и тогда, когда о православной традиции не вспоминают"[1:231]. Показательной в этом плане является самооценка А.Блоком одного из самых любимых своих стихотворений "Девушка пела в церковном хоре...", чтением которого он, как правило, заканчивал свои выступления. Поэт посылает письмо Е.П.Иванову, глубоко верующему человеку, с которым неоднократно обсуждались духовные вопросы, стихотворение и делает приписку: "Скажу приблизительно: я дальше, чем когда-нибудь, от религии...". Спустя несколько десятков лет тонкий критик В.Вейдле приводит этот текст в статье на тему "Поэзия и религия" со следующим комментарием: "Прочитав эти стихи, мы только одно можем сказать: поэзия его ближе к религии, чем воля и рассудок". И дальше критик аргументирует данное суждение: поэт "...уверениям веры не верит, а все же "из мрака" обращает лицо к алтарю, оттого и печаль его стихов остается проникнутой чем-то ликующим и светлым"[3:97]. Перефразируя известное выражение С.Булгакова согласимся, что стихотворение А.Блока на самом деле свободно от религии, но оно совсем не свободно от Бога и от добра. Подобные примеры, далеко не единичные в культуре Серебряного века и его поэтической традиции, показательны и для поэзии последнего рубежа веков (Г.Русаков, С.Стратановский, Т.Кибиров, Е.Рейн, С.Васильев, И.Тюленев, Ю.Беличенко, Л.Григорьева).

"Реальная картина умственного движения дает нам подчас самые противоестественные сочетания язычества и культурничества, марксизма и хлыстовщины, богоборческого энтузиазма и обновленного христианства"[9: 72] – это описание интеллектуальной атмосферы эпохи конца XIX начала XX века находится в одном семантическом поле с последним рубежом века, когда взыскание высшей Истины на развалинах плоского позитивизма, эзотерики, неоязычества и культов восточных религий не заслонили в религиозном сознании постсоветского социума стремления к новому осмыслению и переживанию евангельских истин, а следовательно, и Личности Христа, поскольку именно Ее уникальность и этический универсализм, а не вероисповедные твердыни актуального православия привлекали в первую очередь. На наш взгляд, в русской поэтической традиции двух последних рубежей веков, христоцентричной по своей сути, как и русская литература в целом, обращение к образу Спасителя происходит в нескольких аспектах: а) традиционном (парафраза евангельской сюжетики); б) в русле народной религиозности (стилизация в "духе и букве" духовных стихов и апокрифических сказаний); в) Христос-мифологема, то есть "носитель особо важного общечеловеческого значения" [11:237]. Согласимся с современным исследователем, что христоцентризм в русской поэзии 19-20 веков " проявляет себя как прямо, так и гораздо чаще имплицитно: авторской духовной, этической и эстетической ориентацией – не всегда рационализируемой и осознаваемой – на личность Христа: слишком жива еще в культурной памяти установка древнерусской словесности на "подражание" Христу" [8:254]. Однако важно подчеркнуть, что, если Ф.Достоевский лишь гипотетически предположил возможность нахождения Истины вне Христа, чтобы заявить о своем выборе – остаться со Христом, то интеллектуально-художественная среда Серебряного века не всегда видела Истину в Христе – во всяком случае, Христе православной церкви. Даже в творчестве тех поэтов, которых трудно заподозрить в секуляристских настроениях (Д.Мережковский, З.Гиппиус, В.Иванов – и этот перечень можно

продолжить), православный тип духовности не получил достаточно ясного художественного воплощения, хотя, разумеется, можно назвать и противоположные тенденции, когда поэты исповедуют: Истина есть полнота Личности Христа Спасителя. Исследование религиозно-философской проблематики корпуса русской поэзии двух последних рубежей веков позволяет конкретизировать выделенные нами ранее направления и построить типологические ряды "моделей" образа Христа: это – Иисус Евангелия (И.Бунин, К.Льдов, великий князь Конст.Романов (К.Р.), В.Ходасевич, В.Набоков, А.Васильев,Е.Данилов (Конст. Боголюбский, Роман Иеромонах(А.Матюшин) И.Ратушинская); Русский Христос (А.Блок, Н.Клюев, С.Есенин, Ю.Кузнецов); Христос – символ, Бог– Логос (Вяч.Иванов, А.Блок, Д.Бобышев); уподобление лирического "я" Христу, пути поэта крестной жертве Иисуса (В.Маяковский, А.Блок, О.Охупкин, Л.Вышеславский, Н.Байтов); кенотический образ страдающего Иисуса, "странника духа" (А.Блок, Н.Гумилев, З.Миркина, О.Седакова, С.Стратановский); Иисус (=Бог) – источник жизни (И.Анненский, великий князь Конст.Романов(К.Р.), Вяч.Иванов, Н.Гумилев, П.Соловьева, С.Кекова, В.Блаженных, Е.Пудовкина); Христос во Славе искупительного подвига, грядущий Судия (А.Белый, Д.Мережковский, М.Волошин, Ю.Кузнецов). Подчеркнем, речь идет о поэтической христологии, и нами названы преимущественно те авторы и тексты, которые посвящены Иисусу Христу как одной из ипостасей Бога, Сыну Божьему и Человеческому, хотя при этом понимаем условность любой типологии в таком проблемном поле, как теология творчества, концепции Богочеловечества и антроподицеи, включающие трагический опыт человечества со всеми его центральными экзистенциалами (профанное и сакральное, грех и благочестие, святость и бесовство, богоборчество и христософия, красота и inferнальное).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. Византия и Русь: Два типа духовности // Новый мир. – 1986. – №9. – С.231
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С.43-272.
3. Вейдле В. После "Двенадцати". Приношение кресту на могиле Александра Блока // Вестник русского студенческого христианского движения. – Париж; Нью-Йорк. – №99. – 1971. – С.97-981.
4. Гоголь Н. Духовная проза. – М., 1992. – 543с.
5. Зверев А. "Ты видишь, ход веков подобен притче..." // Иностранная литература. – 1998. – №5. – С.234-2414.
6. Кириллова И. Литературное воплощение образа Христа // Вопросы литературы. – 1991. – №8. – С.60-74с.
7. Кротов Я. Христос под пером // Иностранная литература. – 1998. – №5. – С.243-253
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий: Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК "Интелвак", 2003. – 1600 стб.
9. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. ИМЛИ РАН. – М.: Наследие, 2000. – 960с.
10. Семенова С. "Всю ночь читал я Твой завет...": Образ Христа в современном романе // Новый мир. – 1989. – №11. – С.229-243.
11. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – Москва: Интрада – ИНИОН. – 1996.
12. Толкование четырех Евангелий и книги Деяний Апостолов. – Ашфорд: Славянское миссионерское издательство, 1992. – 454с.
13. Шнакенбург Р. Новозаветная христология. – М, 2000. – 206с.

